
ПЕРЕВОДЫ

П. Ибарра (*Чикаго, США*),
М. Адорьян (*Калгари, Канада*)

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАК ВЫДВИЖЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ (часть 1)

Предлагаемый обзор социального конструкционизма начинается с рассмотрения влиятельной работы Малькольма Спектора и Джона Китсьюза, вызвавшей целый ряд исследований «конструирования» социальных проблем. Обсуждаются последовавшие эпистемологические и методологические дискуссии и рассматриваются три ключевые научные работы, способствующие пониманию типичной аналитической практики в конструкционистском ключе. Эти примеры высвечивают идею, согласно которой «понимание пониманий», не связанное с концепциями объективных условий, имеет важное значение для осуществления конструкционистского анализа. Завершается статья обсуждением трех многообещающих направлений конструкционистских исследований

Питер Ибарра – ассоциированный профессор Департамента криминологии, права и правосудия Иллинойского университета в Чикаго, PhD. E-mail: pibarra@uic.edu.

Майкл Адорьян – ассоциированный профессор Департамента социологии Университета Калгари, сотрудник Центра криминологии Гонконгского университета, PhD. E-mail: madorjan@ucalgary.ca.

Переводчик: **Искэндэр Габдрахманович Ясавеев** – старший научный сотрудник Центра молодежных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). E-mail: yasaveyev@gmail.com.

¹ Перевод выполнен по изданию: Ibarra P.R., Adorjan M. (2018) Social Constructionism. In: *The Cambridge Handbook of Social Problems*. Ed. by A.J. Treviño. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press. P. 279–300. Перевод и публикация на русском языке осуществляются с разрешения П. Ибарры, М. Адорьяна и издательства Cambridge University Press. Перевод выполнен в рамках конкурса переводов, объявленного журналом «Социология: 4М» в 2016 г.

социальных проблем, а именно: 1) изучения киберпространства, включая социальные медиа, как новой важной площадки для конструирования социальных проблем, 2) анализа конструирования социальных проблем – выдвижения требований – в национальных контекстах за пределами англосаксонского глобального Севера, особенно в странах, не соответствующих либерально-демократическим предположениям, из которых обычно исходит конструкционизм, 3) более широкого понимания повседневных социальных пространств и форм, в которых создаются социальные проблемы.

Ключевые слова: конструкционизм, социальные проблемы, выдвижение требований, девиантность, риторика, дискурс, медиа, киберпространство, блогосфера.

Введение

Разочаровавшись в существующих подходах к исследованию социальных проблем и принимая во внимание направление, в котором развивалась в предшествующие десятилетия социология девиантности, Джон Китсьюз и Малькольм Спектор разработали в середине 1970-х годов отличительную социологическую концепцию социальных проблем. В фокусе внимания оказались социальное взаимодействие и связанные с ним дефиниционные процессы, обозначаемые как «выдвижение требований» (claims-making). Серия статей Спектора и Китсьюза, опубликованных в течение трех лет в журнале *Social Problems*, стала основанием для их книги «Конструирование социальных проблем», которая начинается с провокационного утверждения: «не существует и никогда не существовало социологии социальных проблем» [1, p. 1]. Социологи, утверждали Спектор и Китсьюз, не смогли разработать собственно *социологическую* концептуализацию социальных проблем. Их книга была реакцией на «литературу» о социальных проблемах, которая в значительной степени определялась объединением ad hoc того, что

авторы учебников считали самыми неотложными бедами общества, и теоретически часто обрамлялась посредством нормативной [2], например, структурно-функциональной оптики (см., например: [3]). В «Конструировании социальных проблем» Спектор и Китсьюз предложили четкие социологические рамки, ориентирующие не на описание, этиологию и воздействие объективных социальных условий, а на изучение, каким образом условия конструируются как социальные проблемы.

Спектор и Китсьюз не утверждали, что социальные проблемы – это «всего лишь» или «просто» социальные конструкции, и не имели в виду, что люди не испытывают воздействия проблем, включая наносимый им вред. Они стремились развивать подход, основанный на вопросах, в корне отличных от тех, которым способствуют подходы, исходящие из объективистских допущений. Аналитическим объектом для этого подхода являются содержание и формы процессов определения, а его сущностью Спектор и Китсьюз считали изучение, каким образом формулируются социальные проблемы и каким образом эти конструкции поддерживаются и изменяются со временем [1, р. 76]. Ценность стратегии Спектора и Китсьюза, а также ее ответвлений, заключается в высвечивании сложных, иногда неопределенных и часто непредсказуемых изменений (*permutations*) в выдвижении требований.

Настоящая статья построена следующим образом: во-первых, мы рассматриваем объективистскую, нормативную парадигму, которая критиковалась Спектором и Китсьюзом, и переходим к раннему развитию конструкционистского подхода. После описания эпистемологических дискуссий, развернувшихся в 1980-е и 1990-е гг., представлены три типичных примера конструкционистского анализа. Завершается статья обсуждением перспективных направлений развития конструкционистских взглядов на социальные проблемы.

Возникновение социального конструкционизма как подхода к исследованию социальных проблем

Усилия Китсьюза и Спектора, которые воплотились в «Конструировании социальных проблем» и на которые повлияла предложенная Гербертом Блумером идея «социальных проблем как коллективного поведения» [4], отражают характерный для Джона Китсьюза в течение всей его карьеры акцент на социологическом анализе социального контроля. В 1960-е гг. он занял заметное положение в группе исследователей, развивавших направление в социологии девиантности, которое позднее получило название «теория наклеивания ярлыков» ([5; 6; 7]; см.: [8]). Работы этих социологов высвечивают, каким образом социальный контроль *конституирует* (и *реифицирует*) девиантность, а не наоборот [9, р. 58]. Отношение Китсьюза к идее «реальной девиантности» было «резко агностическим – аналитически индифферентным» [9, р. 57]. Он полагал, что «социетальная реакция на девиантность» может исследоваться только как реагент (reactant). Например, еще в 1962 г. он сформулировал цель «сдвинуть фокус теории и исследований с форм девиантного поведения на *процесс, посредством которого одни индивиды начинают определяться другими как девианты*» [9, р. 57]. В этот ранний период Китсьюз предпочитал «осторожный разговор» о «предполагаемых» условиях [10]. Занимаясь таким анализом, перефокусированным с проблемы объяснения «реальной» девиантности на процесс понимания смыслов девиантности и логики порождаемого ими организационного реагирования на нее, Китсьюз *не* утверждал, что «реальная» девиантность не существует. Скорее, он выступал за подход, который не зависит от предположений о том, что девиантность является «объективно верифицируемой». С его точки зрения, изучение «реальной девиантности» лишено «логических оснований» [8, р. 358], поскольку девиантность *конституируется* социетальной реакцией. Именно на этой реакции, а не самой девиантности, была сфокусирована концепция Китсьюза.

Позиция Китсьюза расходилась с существовавшими определениями девиантности, включая формулировки его учителя Эдвина Лемерта и коллеги Говарда Беккера, утверждения которых незаметно цеплялись за «точки отсчета» объективности [11]. Работа Лемерта [5], например, была одной из первых, в значительной степени способствовавшей перемещению фокуса с «реальных» условий (первичного отклонения, т.е. социально немаркированного) на социетальную реакцию (вторичное отклонение, т.е. социально маркированное) (см.: [8, р. 358]). Однако собственный термин Лемерта «предполагаемое условие», применяемый при изучении вторичного отклонения, связывался им с «той частью социетальной реакции, которая не имеет основания в <...> объективном поведении» (цит. по: [10, р. 3]; см. также: [9, р. 56]). Подобным образом, касаясь работы Беккера с его влиятельным заявлением о том, что девиантное поведение – это только поведение, на которое «был наклеен ярлык девиантного», Китсьюз проблематизировал категории «скрытого» и «ложно обвиненного» девианта, в основе которых по-прежнему находились предположения об объективности девиантности (т.е. социетальная реакция теряла свое значение, если аналитик рассматривал что-либо как сконструированное в качестве девиантного) (см.: [8, р. 360]; см. также: [12]). Разграничения Беккера не только были теоретически и эпистемологически проблематичными (т.е. противоречили его принципу, согласно которому «девиантность не является качеством самого поведения» [6, р. 14]), но и помещали аналитика в позицию позитивистского арбитра, наделенного «инсайдерским знанием об онтологическом статусе предполагаемого отклонения» [8, р. 362].

Теоретические цели Китсьюза были, пожалуй, менее широкими по сравнению с целями Беккера и Лемерта. «Скромная» на вид миссия Китсьюза [9], опиравшаяся на символический интеракционизм, а также этнометодологию, заключалась в том, чтобы подойти к точке зрения участников настолько близко, насколько это возможно [13; 14]. Следуя принципу «этнометодологической

индифферентности», этот подход не игнорирует социальную структуру (включая культуру, класс и статус), но сосредоточивается на том, каким образом участники «сами используют такие конструкты в интерпретации своей жизни и действий» [13, р. 94]. Важно отметить, что работы Китсьюза предполагают готовность конструкционистов к рефлексивному рассмотрению их собственной роли «в конструировании изучаемых социальных проблем» [8, р. 363]. Вследствие этого его социальный конструкционизм предлагает не самостоятельную теорию общества, а, скорее, набор методологических стратегий для различения и понимания процессов определения.

Применяя свою аналитическую точку зрения к социологическому исследованию социальных проблем, Китсьюз вместе с его коллегой Малькольмом Спектором инициировал полемику с этиологическими подходами, господствовавшими в литературе на эту тему. Они заметили, что такие подходы сосредоточены на «выявлении условий или видов поведения, которые мешают реализации целей общества, препятствуют его ровному функционированию или приводят общество в неустойчивое, неравновесное состояние» [1, р. 23]. Решительно порывая с нормативной парадигмой, Спектор и Китсьюз утверждали: «основывая изучение социальных проблем на анализе “объективных условий”, <...> социология социальных проблем становится всего лишь анализом дисфункций в рамках функционалистской парадигмы (парадигмы социальных систем)» [15, р. 145]. Спектор и Китсьюз в «Конструировании социальных проблем» оспаривают функционалистское определение социальных проблем, согласно которому социальные проблемы могут быть выявлены там, где существует «значительное расхождение между широко разделяемыми социальными стандартами и реальными условиями социальной жизни» ([3, р. 799]; цит. по: [1, р. 32]). Спектор и Китсьюз считали, что критерий «значительное расхождение» неприменим, и отвергали представление о том, что «утверждения о широко разделяемых социальных стандартах»

могут быть «плодотворным способом построить социологию социальных проблем» [1, р. 32]. Более того, по их мнению, нормативная парадигма «отражает общераспространенное убеждение, что социолог должен диагностировать социальные проблемы как деструктивные для общества условия» [1, р. 24]. Таким образом, роль социолога в рамках нормативной парадигмы виделась в том, чтобы идентифицировать не только условия, которые могут признаваться общественностью как социальные проблемы («явные социальные проблемы»), но и условия, не признанные в качестве таковых («скрытые социальные проблемы»), а также отвергать популярные описания некоторых условий как социальных проблем («ложные социальные проблемы») [1, р. 36]. Спектор и Китсьюз выступали против позиции, согласно которой роль социолога предполагает проведение различия между «реальными» и «ложными» социальными проблемами, и вместо этого рассматривали определение условий в качестве социальных проблем (или нет) как активность обычных членов общества (т.е. не социологов), считая социологов и других подобных экспертов участниками конструирования, действия которых необходимо объяснить.

Первое теоретическое направление, расходившееся с нормативными рамками, которые отстаивали Роберт Мертон и Роберт Нисбет, возникло в 1920-е гг. и получило название «подход ценностного конфликта» [1, р. 40]. Центральное место в изучении социальных проблем в его рамках занимало рассмотрение субъективных аспектов («ценностных суждений»). Спектор и Китсьюз признавали вклад этого подхода, связываемого ими с символическим интеракционизмом [15]. Они цитировали Уилларда Уоллера, одного из основателей школы ценностного конфликта, утверждавшего, что «различные попытки рассмотрения социальных проблем в научном ключе были бесполезными потому, что касались лишь объективной стороны социальных проблем и не учитывали установки, которые делали условие проблемой» ([16, р. 922–925]; цит. по: [1, р. 42]). Спектор и Китсьюз ссылались так-

же на положения Ричарда Фуллера и Ричарда Майерса: «Условия не имеют заметного места в составе социальной проблемы до тех пор, пока они не определяются людьми как угрожающие их благополучию <...> Недостаточно, чтобы люди испытывали воздействие объективных условий. Их поведение должно указывать на то, что они думают, что условие угрожает важным для них ценностям» ([17, р. 25–26]; цит. по: [1, р. 42]; курсив П. Ибарры и М. Адорьяна. – Прим. перев.).

Признавая, что подход ценностного конфликта поставил под сомнение объективистские теории социальных проблем, Спектор и Китсьюз утверждали, что он продвинулся недостаточно далеко. По их мнению, теоретики ценностного конфликта незаметно включали объективистские допущения в свои теоретические положения и продолжали интересоваться «коренными причинами» социальных проблем. Утверждая, что «каждая социальная проблема <...> состоит из объективного условия и субъективного определения», где первое – это «верифицируемая ситуация», которая может быть оценена «квалифицированным наблюдателем», Фуллер и Майерс выступали за исследование «субъективных» ценностных суждений в дополнение к исследованию объективных условий ([18, р. 320]; цит. по: [1, р. 44–45]). Теоретики ценностного конфликта, таким образом, одновременно стремились к «объяснению причин объективных условий и процесса, посредством которого они начинают определяться в качестве социальных проблем». Такое объединение невольно «вредило оригинальности и значению подхода ценностного конфликта» [15, р. 146].

Сосредоточенность Спектора и Китсьюза на субъективных процессах, ведущих к тому, что поведение и условия начинают рассматриваться как проблематичные, оставляет за боковой линией этиологические объяснения. Внимание им уделяется лишь постольку, поскольку к ним обращаются в рамках активности по «выдвижению требований и реакции на последние». Таким образом, предметом конструкционистского анализа становятся *процессы*,

посредством которых социальные проблемы формулируются, оспариваются, принимаются в качестве «социальных фактов» и институционализируются. Спектор и Китсьюз утверждают, что эти процессы конструирования социальных проблем могут изучаться посредством наблюдения за «активностью индивидов или групп, выражающих недовольство и выдвигающих требования относительно некоторых предполагаемых условий» [1, p. 75], а также за реакцией, которую эти требования вызывают [1, p. 76]. Изучение выдвижения требований предполагает документирование определений, включая допущения, категории, различения, интерпретации, оценки, директивы к действию, встроенные в требования и контр-требования. Слово «предполагаемый», применяемое Спектором и Китсьюзом, «анонсирует, что теория остается агностической относительно того, существуют ли такие условия и поведение или нет. Она ограничивает наши интерес и внимание тем, каким образом участники выдвижения требований используют эти “основания” в своих аргументах, требованиях и действиях... Социальная реальность, к которой адресуется этот подход, ограничена, таким образом, этими эмпирическими вопросами и не является тем, что может “реально существовать” в качестве независимой, нетеоретизированной, в каком-то смысле архимедовой (например, научной, религиозной) несомненности» [19, p. 139].

Конструкционистскую концепцию следует отличать от очевидно сходных теоретических рамок, таких как исследования моральной паники и моральной регуляции (см. всесторонние обзоры подходов, используемых конструкционистами: [20; 21]). Социологи, документирующие рост и долгосрочные последствия моральных паник, разделяют интерпретативный акцент на демонизации и связывают социальную конструкцию угроз с интересами и ценностями определенных групп [22; 23; 24]. Исследователи моральной паники часто видят непропорциональную и необоснованную реакцию на социальные условия со стороны «моральных антрепренеров», при этом формулировки вопросов, которые они

ставят перед собой, очень показательны, высвечивая, каким образом в данном случае понимается роль аналитика. Барри Гласснер, например, в подзаголовке своей книги «Культура страха» обещает объяснить, «почему американцы боятся *не того, чего следует*» ([25]; курсив П. Ибарры и М. Адорьяна. – Прим. перев.). Такая формулировка предполагает, что аналитик должен обратиться к тому, чего людям *следует* бояться, или объяснить, почему страх – это надлежащая реакция [22]. Сходные подходы использовались и теми, кто основывался на других интерпретативных традициях в социологии (см., например: [26]). Цель исследователей моральной паники, конечно, похвальна. В конечном счете они стремятся к социальной политике, которая не была бы запятнана эмоциями, связанными со страхом и запускающими карательный популизм или другие неолиберальные ответы на различные публичные вопросы, такие как молодежная преступность [27; 28].

Социальные конструкционисты, однако, предостерегают аналитика от того, чтобы «занимать сторону» в проблематизируемых вопросах. Джозеф Гасфилд, например, утверждает, что конструкционистам следует стремиться к тому, чтобы оставаться «на боковой линии» по отношению к изучаемым социальным проблемам [29]. «Грубое разоблачение» (*vulgar debunking*) (см.: [30]) одних требований, фактически легитимирующее другие, ставит аналитика в шаткую позицию участника тех самых процессов определения, которые являются объектом исследования (см. также: [31]). Соответствуя феноменологическому вынесению за скобки [32], конструкционистский анализ (в том виде, в каком его представляли Спектор и Китсьюз) стремится быть по меньшей мере агностическим [9, р. 57] по отношению к ««реальности» социальных условий, которые люди могут считать «основанием» их требований» [33, р. xii]. Конструкционисты, стремясь сделать наблюдаемым, каким образом производятся и получают формулировки, конституирующие объекты, рассматривают в качестве темы исследования то, что для участников конструирования яв-

ляется ресурсом [33, р. х]. Аналитик, таким образом, обращается к конструкциям участников, развивая теоретическое понимание процесса конструирования (т.е. превращая конструкции участников – «первого порядка» – в «конструкции второго порядка») [34]. С этой точки зрения сохранение агностической позиции по отношению к объективному статусу условий, находящихся в центре внимания участников, способствует пониманию, каким образом участники выдвижения требований реифицируют категории социальных проблем.

Разногласия и дебаты: эпистемология и онтологические подтасовки

Принцип, согласно которому необходимо оставаться «на боковой линии» и не включать объективные условия в рамки анализа, оказалось легче сформулировать, чем успешно осуществить. Действительно, дискуссии, которые последовали в 1980-е и 1990-е гг., разворачивались вокруг возможности аналитика оставаться строгим конструкционистом, при этом обсуждение сосредоточивалось на том, следует ли конструкционистам включать в рассмотрение объективные условия, и если да, то каким образом. Некоторые участники дискуссий заявляли даже, что такое включение неизбежно. Хотя Спектор и Китсьюз призывали уходить от объективистских формулировок социальных проблем, Стив Вулгар и Дороти Полач заметили, что конструкционисты продолжали ненароком и незаметно включать в свой анализ объективистские допущения [35]. В частности, Вулгар и Полач утверждали, что при сосредоточении внимания на изменяющихся определениях, продвигаемых участниками выдвижения требований, аналитиками обычно предполагалось или прямо указывалось, что объект этих требований неизменен. Иными словами, аналитики отмечали, что социальное условие, относительно которого выдвигались требования, оставалось неизменным, только определения менялись

со временем или в результате действий группы, словно в определении просто заворачивался лежащий в основании постоянный объект [8, р. 365]¹. Вулгар и Полач использовали метафору «онтологические подтасовки» относительно того, каким образом конструкционисты делают свои объяснения социальных проблем риторически эффектными: «Посредством онтологических подтасовок сторонники дефинициональных объяснений проводят границу между теми допущениями, которые считаются проблематичными, и теми, которые таковыми не считаются. Эта “работа по проведению границ” (boundary work) создает и поддерживает дифференцированную подчиненность тех или иных явлений онтологической неопределенности. Некоторые области изображаются как подходящие, созревшие для онтологических подтасовок, а другие (по крайней мере, временно) как неприкосновенные для сомнений» [35, р. 216].

Такой анализ, добавляют Вулгар и Полач, сосредоточивается на дефинициональной активности участников выдвижения требований, нуждающейся в объяснении и интерпретации, однако анализ осуществляется способом, отвлекающим внимание от конструирования, в которое вовлечены сами аналитики [35, р. 217]. Конструкционистский анализ, таким образом, может быть назван избирательно релятивистским и недостаточно рефлексивным [8, р. 365], поскольку его «инструменты» не считаются изменяющи-

¹ Например, аналитик, изучающий молодежную преступность, возможно, хотел бы обратиться к тому, каким образом «молодые правонарушители» представляются в сообщениях медиа в течение определенного периода, сосредоточиваясь на переносе акцентов на «суровость наказаний» или на реабилитацию в этих репрезентациях (см., например: [36]). Однако как культурные ассоциации, связанные с «молодым преступником», так и смыслы, соотносимые с «молодым» и «преступником», могут рассматриваться аналитиком (в противоположность участникам выдвижения требований) как отличающиеся от одной исторической эпохи к другой. Для изучения меняющихся субъективных определений и их сравнения вводятся (как минимум непреднамеренно) объективные «точки отсчета».

мися и зависящими от обстоятельств, в отличие от определений, продвигаемых участниками выдвижения требований.

Утверждения Вулгара и Полач вызвали бурную полемику, которая продолжалась до начала 1990-х годов. В ее ходе сформировалось несколько характерных позиций. По мнению Гасфилда и Шнайдера, достоверность объективного условия фактически irrelevantна для понимания процессов выдвижения требований ([37; 38]; см. также: [39, p. 160]). Если аналитики внимательны, полагает Джозеф Шнайдер, то они могут избежать проблемы онтологических подтасовок [38]. Стивен Пфол связывал полемику об онтологических подтасовках с дискуссиями в областях литературной теории и постмодернизма, отстаивая позицию рефлексивного *деконструкционизма*, «тонко настроенного на сложные эпистемологические проблемы» [40, p. 229]. В данном случае задача, которая ставится перед конструкционистом, также заключается в том, чтобы оставаться бдительным или «рефлексивным» по отношению к представляемому описанию, которое всегда неотделимо от власти/знания его автора [41; 42].

Джоел Бест, проводя различие между «строгим» и «контекстуальным конструкционизмом» [43], пытался, как кажется, отделить концептуализацию, рекомендованную Китсьюзом – воздерживающуюся при осуществлении анализа от предположений о «реальной» природе условия, ее независимой верификации, – от концептуализации, цепляющейся за идею включения этих объективных черт в анализ конструируемых феноменов. Усиливая агностицизм Спектора и Китсьюза и развивая их подход в направлении, которое обычно называют «строгим конструкционизмом», Питер Ибарра и Джон Китсьюз предложили заменить термин «предполагаемое условие» термином «условие-категория» [34]. Они пытались разрешить проблему постоянства объекта, отмеченную Вулгаром и Полач, предложив использовать термин, который служил бы для аналитиков напоминанием, что в фокусе внимания находятся вопросы, каким образом социальные проблемы концептуализируются,

как о них говорят и какие действия предпринимают участники, а не вопрос, из чего состоят социальные проблемы независимо от этих практик¹. Эта рекомендация усиливала позицию, согласно которой категории социальных проблем заимствуются из систем классификации, используемых в обществе, и выражаются посредством общераспространенных форм коммуникации, которым обучаются члены общества, т.е. языка или «словаря участников» [44]. *Поскольку выдвижение требований является формой социального взаимодействия*, внимание к дискурсивным сдвигам в «процессе социальной проблемы» [34, р. 29–30] будет ориентировать исследователей на поддающиеся изучению темы (например, трансформации в рассуждениях об этиологии, терминология, критерии включения и исключения, предлагаемые решения, лучшие практики, методы измерения и т.д., которые используются участниками по отношению к категориям, применяемым в процессе конструирования социальной проблемы).

Однако в понимании Беста «строгий конструкционизм накладывает необоснованные ограничения» на аналитиков, поскольку ослабляет их способность независимо оценивать то, что высвечивается контекстуальным конструкционизмом: мотивы тех, кто выдвигает требования («почему» возникают конструкции социальных проблем), а также относительные достоинства аргументации различных участников (например, логичность, качество данных, используемых для обоснования требований) [45, р. 131]. Иными словами, контекстуальный конструкционист² подталкивается к

¹ Ибарра и Китсьюз, однако, не обратились к другому аспекту онтологических подтасовок, замеченному Вулгаром и Полач, а именно – жесткому, не зависящему от обстоятельств (non-contingent) характеру «инструментов» конструкционистского исследования. Этот фундаментальный вопрос не рассматривался должным образом в конструкционистской литературе [8, р. 365].

² Согласно формулировке Беста, «контекстуальные конструкционисты исследуют выдвижение требований в контексте культуры и социальной структуры» [46, р. 61], а также истории. Хотя Китсьюз рекомендует оставаться агностиками

принятию разоблачительной позиции (“debunking” stance) относительно участников выдвижения требования. Позиция Ибарры и Китсьюза по отношению к этим вопросам заключается в том, что к ним можно подойти эмпирически: «разоблачение» – это часто наблюдаемый компонент процесса социальной проблемы, поворот, который может быть совершен, когда требования и те, кто их выдвигает, наделяются смыслом, мотивы подвергаются сомнению, поводы для недовольства и подкрепляющие их данные разбираются участниками в каких-либо из бесчисленных обстоятельств, в которых разворачиваются разговоры и действия, связанные с

по отношению к объективному статусу и характеристике условий, находящихся в фокусе активности по выдвижению требований, он не говорит о том, что аналитик должен предполагать, что культура, история, социальная структура и институты не существуют, и он, конечно, не утверждает, что контекст не имеет значения для понимания конструкций социальных проблем или девиантности. Напротив, внимание к непосредственному контексту характерно для всех работ Китсьюза: от изучения «социальных проблем как социального взаимодействия», в рамках которого предлагается выявлять местные «стили» или «среду» («фон») как важные измерения формирования и понимания «процесса социальных проблем» [34], до заметной роли, отводимой национальному и институциональному контексту в его анализе кикокусидзе (детей-репатриантов) [47], и центрального положения, которое в «Конструировании социальных проблем» [1] занимает «интеллектуальный и профессиональный контекст» [48, р. 78]. Агностицизм со стороны аналитика рекомендуется в качестве предиката для «вынесения за скобки». По мнению Китсьюза, в данном и в других случаях аналитик должен следовать примеру участников: что выносится за скобки, а что нет, зависит от того, какое поведение и какие условия рассматриваются в качестве проблематичных (нежелательных, оскорбительных, вызывающих затруднения) со стороны участников процессов конструирования. Таким образом, Спектор и Китсьюз рекомендуют агностицизм относительно выдвигаемых требований, но не относительно того, существуют ли те, кто выдвигает требования, стороны, перед которыми это происходит, среда, в которой контекстуализируются требования (уличный протест, встреча в ратуше, телевидение, киберпространство) [33, р. xii]. Вынесение за скобки имеет стратегическое значение, делая возможным объяснение процессов конструирования, а не служит, как иногда утверждалось, «бесконечному регрессу» к субъективизму (см., например: [46]).

социальными проблемами. Исследователям нет необходимости отказываться от рассмотрения этих процессов, подменяя версии участников своими собственными «разоблачительными» описаниями условий, поскольку различные способы, которыми участники включаются в процесс социальной проблемы, имеют ключевое значение в рамках конструкционистского исследования.

Джеймс Холстайн и Джабер Губриум предложили не только другое направление критики, но и понятие «контекста», возникающего из переживания мира обычными участниками [49]. Они отстаивали метод аналитического вынесения за скобки, в рамках которого аналитик может легко переключаться между изучением вопросов «как» и «почему» о выдвижении требований, т.е. между тем, что они называют дискурсивной практикой и, заимствуя это понятие у Фуко, дискурсом-в-практике соответственно. Контекст обеспечивается включением ресурсов и социальных процессов (social accretions), обуславливающих интерпретации участников, тогда как сосредоточение на дискурсивных практиках участников выявляет процессы производства смыслов в повседневной жизни, что вытекает из этнометодологических предписаний. Аналитик рефлексивно перемещается между этими двумя оптиками, при этом вопросы «как» и «почему» признаются взаимно и неразрывно конституирующими друг друга. Холстайн и Губриум считают, что их позиция находится «где-то между или в стороне от “строгой” и “контекстуальной” позиций, формирующих конструкционистский ландшафт» [49, р. 194]. Контекст понимается ими как «рефлексивное взаимодействие» [49, р. 203], что способствует анализу *социального контекста как дискурсивных усилий самих участников*, близких к опыту и практикам понимания. Такая трактовка не противоречит изначальной позиции Китсьюза, описанной выше (для сравнения см.: [50])¹.

¹ Полезная типология значений «контекста», встречающихся в рамках конструкционистского анализа, предложена Лоуренсом Николсом [48]. Работа Дарина

ТРИ ПРИМЕРА

Понимание пониманий

Конструкционистские подходы к социальным проблемам обычно предполагают изучение – на переднем плане, – каким образом посредством человеческой практики создается значение нежелательных условий, а на заднем плане – употребительности (сurgency), которую такая символизация приобретает по мере институционализации или какого-либо другого включения в повседневное использование. Эти феномены умело исследуются конструкционистами, число работ в этом направлении весьма велико. Здесь мы рассмотрим три примера такой исследовательской работы, отмечая в каждом случае, каким образом автор реализует конструкционистские цели. Несмотря на то, что фокусировка этих исследований совершенно различна (в отношении тем и изучаемых процессов социальных проблем), каждый автор ориентирован на «понимание пониманий», отстаивая при этом агностическую позицию по отношению к нормативным и фактографическим

Уэйнберга [51] представляет более философское обсуждение значимости контекста в конструкционистских исследованиях. Кроме Цинтии Богард [50] еще один исследователь, испытавший влияние конструкционистской аналитики Холстайна и Губриума [49], Джаред Дель Россо, изучал ситуативное производство (во время слушаний сената США по Абу-Грейб) «реальности» пыток, применявшихся американскими военными в Ираке и Афганистане (см.: [52; 53]). Дель Россо развивает конструкционистский анализ, разрабатывая «подход, чувствительный к “текстовому опосредованию” выдвижения требований» [52, p. 166]. Его анализ высвечивает, каким образом мобилизация «текстов» в качестве доказательств подкрепляет конфликтующие требования о масштабе предполагаемой социальной проблемы: «жестокое обращение с задержанными». В прочтении Дель Россо контекст – это скорее эмерджентный ресурс, циркулирующий «между площадками работы с социальными проблемами, нежели социальная сила, находящаяся за или над теми, кто выдвигает требования» [52, p. 169]; он действует в качестве меняющейся «текстовой среды», непрерывные наслоения смысла которой изменяют то, что может с уверенностью утверждаться о потенциальной социальной проблеме.

утверждениям участников конструирования проблем, будь то активисты, сотрудники социальных служб или журналисты. Авторы выделяются тем, как умело они раскрывают практики наделения смыслом, – обнаруживаемые в текстах или действиях, – которые конструируют или оспаривают «характер» социальных условий, тематизируемых прямо или косвенно посредством гештальта социальных проблем. Эти исследования «схватывают» усилия акторов по производству реальности соответственно проституции, жестокого обращения с женой и молодежного насилия в различных направлениях, развивая знание о различных моделях конструионистской аналитической практики.

Валери Дженнесс: проституция и выдвигание требований «с той стороны»

Исследования Валери Дженнесс сосредоточены на активизме ряда акторов: секс-работниц, жертв преступлений на почве ненависти и заключенных (включая трансгендерных заключенных), требующих институциональных изменений и изменений государственной политики. Ее дебютные усилия [54; 55] были обращены к выдвиганию требований КОЙОТом (COYOTE, акроним, образованный от “Call off Your Old Tired Ethics”: «Отбросьте вашу старую выдохшуюся этику»), зародившимся в Сан-Франциско «Свободным союзом женщин» (самоописание группы, которое цитирует Дженнесс [54, р. 403]), состоящим из действующих и бывших секс-работниц, а также тех, кто выступает от их имени.

Дженнесс изучает действия активистов КОЙОТа, выступающих за изменения в том, каким образом общество конструирует проституцию, и считающих преобладающее отношение угнетающим и контрпродуктивным. Описание Дженнесс, полученное в результате включенного наблюдения, а также глубинных интервью, документирует развитие активизма этой организации в течение продолжительного периода. Таким образом, Дженнесс

контекстуализирует тематические сдвиги в требованиях, которые участники группы представляют перед различными публиками. Выстраивая свой анализ вокруг точек зрения секс-работниц и их союзников, Дженнесс документирует взгляды и активность тех, кто одновременно вовлечен и лишен голоса преобладающими конструкциями социальных проблем. Доминирующая тенденция конструкционистского анализа до появления работы Дженнесс заключалась в обсуждении утверждений тех, кто выдвигает требования, привлекает внимание к социальным условиям, которые находит тревожащими, вызывающими беспокойство или угнетающими, но не включен в то, что обозначалось как социальные проблемы. Те же, кто был включен, их точки зрения, взгляды не очень интересовали исследователей: они были представлены в рамках анализа в значительной степени посредством определенных таких «конструкторов проблем», как медицинские власти, правовые или академические эксперты, моральные антрепренеры, выступающие скорее как поставщики морального дискурса или как игроки в состязании за символы.

Прежний подход означал, что политический активизм так называемых девиантных акторов обычно игнорировался и что «выдвижение требований с той стороны», как это называет Лесли Миллер [42], и «политика новых девиантов», по выражению Китсьюза [56]¹, отодвигались на задворки. Работа Дженнесс раскрывает, что происходит, когда участники выдвижения требований отстаивают свои позиции, несмотря на то, что это приходится делать в тени стигмы и нелегитимности, и когда девианты в рамках конструкций социальных проблем (и их союзники)

¹ Китсьюз использовал термин «третичные девианты» для обозначения тех девиантных акторов, которые отвергают осуждение со стороны общества, основанное на их предполагаемой девиантности, и используют такую маргинализацию позитивно, как коллективное основание для активизма в отношении социальных проблем [56].

«отвечают» (talk back), называя социальной проблемой используемые определения социальной проблемы. Дженнесс сосредоточивается на том, каким образом люди из «подозрительного мира» – мира проституции – и их союзники борются за изменение конструкций, которые исторически распространялись экспертами, институтами и более широким обществом и которые определяли термины, используемые для понимания причин и побочных эффектов проституции, переименованной активистами в «секс-работу» или просто «работу». Одновременное внимание Дженнесс как к выдвижению КОЙОТом требований, так и к тому, каким образом эта организация справляется с вопросом о своей легитимности выдвигать требования, придает ее исследованию гуманистический характер, высвечивая не только этические чувства, определяющие конечные цели этого движения, но также креативность и изобретательность тех, кто участвует в этой борьбе.

Дженнесс с уважением описывает, что пытались осуществить члены КОЙОТа, и сохраняет при этом сосредоточенность на проблеме понимания пониманий: сквозь ее анализ деятельности КОЙОТа красной нитью проходит заинтересованность участников в том, чтобы направлять и изменять понимания сексуальной работы, явно или неявно развиваемые другими, поскольку участники хорошо осознают, каким образом другие понимают их или тех, чьи интересы они отстаивают. Дженнесс отслеживает, как усилия КОЙОТа влиять на «понимания» изменяются по мере того, как меняется состав собеседников – от руководителей правоприменительных органов в Сан-Франциско в первой половине 1970-х гг. до участников различных направлений движения женщин в конце 1970-х и начале 1980-х годов, оспаривавших переопределение проституции как секс-работы, и, наконец, до участников дискуссий о роли проституции в распространении ВИЧ/СПИДа во второй половине 1980-х годов.

Усилия КОЙОТа по деконструированию и реконструированию значений проституции в конечном счете коренились в социальных

взаимодействиях, в которые эта организация была вовлечена. Анализ Дженнесс раскрывает, каким образом создаваемые конструкции встраиваются в непрерывающуюся активность организации по мере того, как она сталкивается с теми игроками и аргументами, которые представляются ей наиболее важными. Исследователям не мешало бы перенять такой фокус на дискурсивном контексте, поскольку *именно контекст переживается участниками как непосредственно релевантный*, на него они активно ориентируются в реальном времени и, таким образом, именно он поддерживает вовлеченность в выдвижение требований группы. Программа исследования социальных проблем Спектора и Китсьюза всегда воспринималась как сфокусированная на социальном взаимодействии, и Дженнесс привнесла в нее глубокое понимание, каким образом контекст и взаимодействие оживляют этот процесс и определяют специфическое содержание конструкций, продвигаемых посредством выдвижения требований.

Неукоснительная сосредоточенность Дженнесс на схватывании игры пониманий, находящихся в поле активности КОЙОТа, объяснении, каким образом и почему эти понимания считаются значимыми в институционализации и деконструировании политики социального контроля, без какой-либо опоры на объективистские представления о проституции или ее реификацию, делают это исследование КОЙОТа образцом агностического конструкционизма. Ее текст раскрывает подоплеку активности по выдвижению требований, обращаясь к точке зрения участников и учитывая, что оптика, сквозь которую они постигают секс-работу, развивается. Таким образом, Дженнесс демонстрирует, что фокус на проблеме понимания пониманий – как проблеме релевантности для участников выдвижения требований и, следовательно, для аналитика – является тем твердым основанием, на котором конструкционизм может выстраивать свою аналитическую практику.

Донилин Лосеке: производство людей и индустрия социальных проблем

Подход Донилин Лосеке к социальному конструкционизму заключается в рассмотрении нарративной логики и эмоционально окрашенных требований, встроенных в «коллективные репрезентации» социальных проблем, которые циркулируют в популярной культуре, и демонстрации, каким образом крайне драматизированный характер их образов определяет отношение к людям, вовлеченным в эти репрезентации. Связывая категории людей и содержание требований, она анализирует, каким образом требования конструируют, кто заслуживает «помощь», а кто нет, и отмечает, как такие конструкции – «заслуживает симпатию» – проявляют себя в работе профессионалов, занятых в «индустрии социальных проблем». Стратегия Лосеке высвечивает, каким образом классификация типов людей в рамках требований, составляющих социальную проблему, определяет социальное взаимодействие между организациями и людьми, которым эти организации «даруют привилегию» заниматься ими, обозначая это, вслед за Миллером и Холстайном [57], как «работу с социальными проблемами»¹.

Этнографическая работа Лосеке «Избываемая женщина и приюты» [67] раскрывает процесс конструирования, который формирует и поддерживает институциональную реакцию на домашнее насилие. Сосредоточиваясь на том, каким образом сотрудники

¹ Подход «работы с социальными проблемами» (social problems work) является продолжением исследований обращения с людьми (people processing studies), которыми занимались социологи девиантности, использующие концепцию социетальной реакции (см., например: [58; 59; 60; 61]). Более поздние конструкционистские исследования «производства людей» включают в себя, кроме всего прочего, работы о социальном конструировании агентов, не являющихся людьми (см., например: [62]), а также о социальных службах (см., например: [63; 64; 65; 66]).

современного приюта для избиваемых женщин¹ рассматривают женщин, обращающихся за помощью (т.е. с запросом о временном жилье), и взаимодействуют с ними, Лосеке выявляет сложность смысла, создаваемого самой идеей «социальная проблема жестокого обращения с женой», как в форме дискурса, циркулирующего в более широкой культуре, так и посредством детального изучения, каким образом категория «избиваемая женщина» (*battered woman*) и понятие «жестокое обращение с женой» (*wife abuse*) используются в качестве «средств интерпретации» сотрудниками приюта, наклеивающими ярлыки и оценивающими клиентов с моральной точки зрения как предполагаемых жертв насилия со стороны сексуального партнера. Различение, кто является, а кто не является «избиваемой женой», например, предполагает знакомство с утверждениями о том, каким образом «выглядят» избиваемые женщины. Это может вызывать затруднения, потому что дискурс предполагает, что избиваемые женщины не всегда признают, что являются таковыми, но также потому, что не все сотрудники приюта понимают коллективные репрезентации избиваемых женщин одним и тем же образом. Лосеке изучала эту вариативность, наблюдая за применением «систем классификации» избиваемой женщины и жестокого обращения с женой.

Основываясь на интервью, полевых записях и, что, возможно, является самым важным, записях в журнале, которые делали сотрудники, Лосеке отслеживает понимание сотрудниками приюта жестокого обращения с женой и типа избиваемых женщин и находит ряд непредвиденных обстоятельств в их применении. Она замечает, что сотрудники приюта оказываются в затруднении,

¹ Современные приюты отличаются от традиционных тем, что последние не основываются на феминистской концепции домашнего насилия (например, они могут стремиться к воссоединению жертвы с ее семьей, включая супруга/партнера, а не к субъективной трансформации, т.е. «повышению сознания» женщины [67, р. 28–29]).

работая с клиентами, которые могут сопротивляться наклеиванию ярлыка или отношению к ним в соответствии с конструкциями фигуры избиваемой женщины, характерными для этой организации (и общества). В то же время сотрудники приюта могут объяснять «неудачи» организации в фундаментальной трансформации жертв жестокого обращения (когда последние возвращаются к их избивателям, например), ссылаясь на аспекты того, что стало описываться как «синдром избиваемой женщины», рефлексивно подтверждая власть этой конструкции (для сравнения см.: [68]). Действительно, клиенты, чьи действия идут вразрез с правилами или ожиданиями приюта, могут нейтрализовать вызывающее возражение поведение, представляя его в соответствии с признаками, понимаемыми как часть синдрома избиваемой женщины. В результате внимательного наблюдения Лосеке обнаруживает размещенную в локальном контексте и внутренне непротиворечивую аргументацию, которая, основываясь на дискурсе домашнего насилия как социальной проблемы, организует обращение сотрудников с клиентами и обговаривает его смысл¹.

Анализ процессов конструирования, осуществляемый Лосеке, вращается вокруг объяснения, каким образом функционируют понимания категории социальной проблемы («жестокое обращение с женой») и логически связанной с ней категории личности («избиваемая женщина»): как эти категории, будучи средствами интерпретации, становятся основанием для исправительной или восстановительной активности, определяя, например, восприятие того, «в чем нуждается» жертва жестокого обращения. Согласно Лосеке, эти понимания, организующие взаимодействие между

¹ Можно провести параллель между анализом Лосеке и известным исследованием Вейдера [69], посвященным тому, каким образом в «домах на полпути», центрах помощи бывшим заключенным и наркозависимым применяется «тюремный кодекс». Лосеке в этом же ключе описывает, каким образом категории «жестокое обращение с женой» и «избиваемая женщина» функционируют, определяя предположения и действия со стороны сотрудников приюта.

персоналом и клиентами (а также между клиентами) лишь в определенных направлениях, вырастают не из целостного восприятия биографий клиентов или знания о разнородности их опыта как отличающихся друг от друга индивидов, а из восприятия их как людей, которые так или иначе, хорошо или плохо соответствуют данному архетипу. Таким образом, Лосеке отмечает, что «избиваемая женщина» как категория людей, представляемая современной конструкцией жестокого обращения с женой, является весьма подходящей для коллективной жизненной среды приюта: «Женщина, относящаяся к типу “избиваемых”, по определению должна быть хорошим членом общины. Поскольку она определяется в таких терминах, как пассивность, низкая самооценка, направленность на других, страх, смущение и беспомощность, мы не ожидаем, что она будет подрывать общину приюта. Более того, предполагается, что такая женщина станет хорошим членом общины, поскольку она “настроена” на других и старается угодить им» [67, р. 38].

Лосеке описывает, каким образом такие типизации людей порождают ожидания, которые могут привести сотрудников к трудностям с интерпретацией. Персонал должен решать огромное множество логистических и практических задач, вытекающих из разнородности клиентов, которая противоречит таким обобщенным пониманиям; сценарии, в свою очередь раскрываемые Лосеке. Ее текст является ключевым примером, поскольку он точно соответствует актуальному конструкционистскому идеалу прояснения процессов реификации и типизации, демонстрируя, каким образом они воспроизводятся на практике. Ее работа подчеркивает также важность документирования последствий этих конструкций, поскольку они определяют, кому и какого рода «помощь» оказывается и не оказывается. Лосеке не позволяет себе окончательные заявления о том, чем «на самом деле является» или «не является» домашнее насилие, она фокусирует свое внимание на выявлении, каким образом идеация и дискурс жестокого обращения с женой (wife abuse talk and ideation) функционируют в средах, цели которых

закладываются активностью по выдвижению требований. Ее работа, таким образом, по праву считается всецело соответствующей принципам дефиниционального подхода к исследованию «социальной проблемы». Лосеке последовательно стремится к пониманию, каким образом реальность категории социальной проблемы конструируется в соответствии с подходами персонала приюта, наполняется содержанием и поддерживается их ситуативной практикой.

*Уильям Спенсер: новостной дискурс,
молодежное насилие и конструкция
неоднозначной виновности*

Конструкционистские исследования социальных проблем обычно относятся к сообщениям медиа как к способу документирования дефинициональных стратегий тех, кто выдвигает требования, и тех, кто противодействует этому, или как к способу изучения, каким образом для наделения смыслом проблематичного опыта мобилизуются тропы, лейтмотивы и идиомы дискурса социальных проблем. Особого внимания заслуживает серия работ Уильяма Спенсера [64; 70; 71], изучавшего публичный дискурс о бездомности и молодежном насилии. Здесь мы сосредоточиваемся на его исследованиях в последней области, отмечая в них полезный контраст с конструкциями избивателей, подпитывавшими активность, которую изучала Лосеке. Участники молодежного насилия, представленные в сообщениях медиа, к которым обращается Спенсер [70; 71], обладают морально неопределенным характером: молодежь конструируется как «неоднозначно виновная», вследствие чего эти сообщения порождают смешанные и нестабильные эмоциональные реакции. Работы Спенсера объясняют, каким образом дискурс социальных проблем наполняется противоречиями и неоднозначностью, и вследствие этого способствуют рассмотрению социальных проблем в особом ракурсе.

В то время как социологи, анализирующие медианарративы молодежной преступности и молодежного насилия, обычно демонстрируют, каким образом медиа деконтекстуализуют случаи насилия и временами порождают моральные паники, Спенсер обнаруживает, что сообщения медиа в его выборке, особенно относящиеся к периоду 1990-х годов, часто «изучают почти все мыслимые стороны социальной и культурной жизни этих детей» [71, р. 18]. Они изображают молодежное насилие как «сложный феномен, обусловленный множественными причинами и решениями» [71, р. 18]. Спенсер утверждает, что в этих сообщениях «условие молодежного насилия конструируется как парадокс: зло насилия противопоставляется молодежному статусу тех, кто его совершает» [71, р. 18].

Анализ Спенсера, как представляется, непосредственно связан с его выбором текстов, используемыми источниками национальных новостей, включая транскрибированные тексты телевизионных новостей о молодежной преступности, письма в редакцию, редакционные статьи и – возможно, самое важное – серию очерков (feature stories) в *Time*, *Newsweek* и *U.S. News and World Report*, а также специальную «периодическую» серию *New York Times* «Когда беда становится молодой». Серия очерков предполагает особый вид журналистики, отличающийся от того, что практикуется новостными журналистами. Их темп медленнее, длина больше, часто они начинаются с «лида», состоящего из «короткой истории», которая может растянуться на несколько абзацев вместо одного [72]. Сосредоточиваясь на запутанных историях, такие репортажи обнаруживают при их изучении несколько слоев смысла и больше аспектов гуманизма, чем могут передать другие виды журналистики. Выбор текстов Спенсером позволяет исследовать, как происходит фреймирование социальных проблем с большим ощущением глубины и тонкости по сравнению с другими новостными форматами, и раскрывает отличительные способы применения языка и риторики социальных проблем.

Очерки, анализируемые Спенсером, занимают уникальное положение: в них одновременно рассматриваются индивидуальные и социетальные тенденции, изучается жизнь «типов людей», о которых лишь частично, мельком сообщается в контекстах «серьезных новостей», выявляется, что эти биографии и социальные обстоятельства говорят о более широких процессах в обществе, порождающих молодежное насилие. Спенсер обнаруживает, что в этих материалах молодежь часто считается виновной в преднамеренном совершении преступлений, однако эти истории уравнивают представление о виновности молодых людей рассмотрением социальных условий (включая распавшиеся семьи, округу или сообщества и более широкие социальные изменения) и учитывают непредвиденные обстоятельства, представляя различные варианты решений (обычно колеблясь между наказанием и особым обращением или наказанием и превенцией). Темы этих очерков заслуживают постоянного внимания, их отбор новостными организациями значим, поскольку дает возможность понять тенденции в культуре, которые являются «серьезными проблемами» и которыми должны быть обеспокоены читатели: волна случаев «хладнокровного» насилия, участниками которого является «сбившаяся с пути» (wayward) молодежь. Неявный посыл этой журналистской стратегии заключается в том, что, сосредоточиваясь на конкретных индивидах, воплощающих тенденцию, мы можем лучше понять, что порождает эту тенденцию.

Эти журналистские материалы, как указывает Спенсер, обычно используют «лейтмотив кризиса», насыщая тему ощущением безотлагательности; лейтмотив кризиса обосновывается посредством «утверждений о масштабе», оценивающих распространенность социальной проблемы. Внимание в очерках сосредоточивается, однако, на герменевтической проблеме молодежного насилия, которая является центральной, а не на его распространенности. Прочтение молодежи обычно является противоречивым: в одно и то же время в качестве невинных детей и тех, кто способен на

непостижимую жестокость по отношению к другим детям. «Холодный», «бесчувственный» и пр. – оценки, сопровождающиеся подробностями описываемых преступлений, указывают на возможность, что мы являемся свидетелями возникновения подкласса «молодых суперхищников», «концептуально изгнанных» из детства [73]. Однако погружение в биографию молодых людей и рассмотрение этиологии их превращения в правонарушителей приводят к расхождению с этим образом. Спенсер отмечает: «Даже когда жертвы этого насилия последовательно изображаются как невинные, а их смерти как трагедии, молодые люди, совершившие насилие, представляются в сложном и неопределенном виде, как жертвы и как мучители» [71, р. 19].

Таким образом, Спенсер вникает в элементы, порождающие загадочность текста, а также в аспекты разговора о социальных проблемах, что дает ключ к его возможному объяснению. Следуя в этом направлении, Спенсер высвечивает риторическую конструкцию «социального кризиса» и показывает, каким образом язык дискурса социальных проблем используется для понимания возникновения кризиса и фреймирования ответов на него. Если ответы не всегда представляются соответствующими задачам, то это лишний раз подтверждает масштаб кризиса. Эти тексты, следовательно, анализируются не как «выдвижение требований» (в смысле выражения недовольства), а как формирующие взвешенное отношение к пафосу и трагедии, вплетенным в социальную тенденцию. Вследствие этого данные тексты больше расстраивают и, возможно, наводят на размышления, чем подталкивают к действию (последнее обычно является целью выдвижения требований).

Анализ Спенсера является последовательно агностическим по отношению к «реальным причинам» молодежного насилия и «лучшим решениям». Его цель заключается в привлечении внимания к тому, что определенные формы медиадискурса представляют социальные проблемы сложным и часто неоднозначным образом, не деконтекстуализуют вопросы и события и не способствуют

моральным паникам. Спенсер отмечает: «Простота и ясность могли стать правилом большого пальца в конструкционистском анализе социальных проблем отчасти потому, что мы стремились к этому. Мы можем развивать конструкционистскую теорию социальных проблем, занимаясь вместо этого поиском сложного и неоднозначного» [70, p. 63; 71, p. 21].

(Продолжение – в одном из следующих номеров журнала)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Spector M., Kitsuse J.* Constructing Social Problems. Menlo Park: Cummings Publishing Company, 1977.
2. *Thomas W.* Conceptions of Interaction and Forms of Sociological Explanation // *American Sociological Review*. 1970. Vol. 35. No. 4. P. 697–710.
3. *Merton R., Nisbet R.* Contemporary Social Problems. Revised. New York: Harcourt, Brace and World, 1971.
4. *Blumer H.* Social Problems as Collective Behavior // *Social Problems*. 1971. Vol. 18. No. 3. P. 298–306.
5. *Lemert E.* Social Pathology. New York: McGraw-Hill, 1951.
6. *Becker H.* Outsiders. Toronto: Collier-Macmillan Canada, 1963.
7. *Goffman E.* Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. New York, NY: Doubleday, 1961.
8. *Ibarra P.* Strict and Contextual Constructionism in the Sociology of Deviance and Social Problems // *Handbook of Constructionist Research* / Ed. J. Holstein, J. Gubrium. New York, NY: Guilford, 2008. P. 355–369.
9. *Holstein J.* Defining Deviance: John Kitsuse's Modest Agenda // *The American Sociologist*. 2009. Vol. 40. No. 1–2. P. 51–60.
10. *Rains P.* Imputations of Deviance: A Retrospective Essay on the Labeling Perspective // *Social Problems*. 1975. Vol. 23. No. 1. P. 1–11.
11. *Kitsuse J., Spector M.* Social Problems and Deviance: Some Parallel Issues // *Social Problems*. 1975. Vol. 22. No. 5. P. 584–594.
12. *Pollner M.* Constitutive and Mundane Versions of Labeling Theory // *Human Studies*. 1978. Vol. 1. No. 1. P. 269–288.
13. *Gubrium J., Holstein J.* Don't Argue with the Members // *The American Sociologist*. 2011. Vol. 43. No. 1. P. 85–98.
14. *Pollner M.* Mundane Reason: Reality in Everyday and Sociological Discourse. New York: Cambridge University Press, 1987.
15. *Spector M., Kitsuse J.* Social Problems: A Re-formulation // *Social Problems*. 1973. Vol. 21. No. 2. P. 145–159.

16. *Waller W.* Social Problems and the Mores // *American Sociological Review*. 1936. Vol. 1. No. 6. P. 922–933.
17. *Fuller R., Myers R.* Some Aspects of a Theory of Social Problems // *American Sociological Review*. 1941. Vol. 6. P. 24–32.
18. *Fuller R., Myers R.* The Natural History of a Social Problem // *American Sociological Review*. 1941. Vol. 6. 320–328.
19. *Schneider J.* The Medicalization of Deviance: From Badness to Sickness // *Handbook on Sociology of Deviance* / Ed. E. Goode. New York, NY: Wiley, 2015. P. 137–153
20. *Harris S.* What is Constructionism? Navigating its Use in Sociology. Boulder, CO: Lynne Reinner Publishers, 2010.
21. *Weinberg D.* Contemporary Social Constructionism: Key Themes. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2014.
22. *Cohen S.* Folk Devils and Moral Panics. 2nd ed. London: Routledge, 2002.
23. *Hunt A.* Governing Morals: A Social history of Moral Regulation. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
24. *Hier S.* Risk and Panic in Late Modernity: Implications of the Converging Sites of Social Anxiety // *British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54. No. 1. P. 3–20.
25. *Glassner B.* The Culture of Fear: Why Americans are Afraid of the Wrong Things. New York: Basic Books, 1999.
26. *Altheide D.* Terror Post 9/11 and the Media. New York: Peter Lang, 2009.
27. *Hay C.* Mobilization through Interpellation: James Bulger, Juvenile Crime and the Construction of a Moral Panic // *Social & Legal Studies*. 1995. Vol. 4. No. 2. P. 197–223.
28. *Schissel B.* Still Blaming Children: Youth Conduct and the Politics of Child Hating. Halifax: Fernwood Publishing, 2006.
29. *Gusfield J.* On the Side: Practical Action and Social Constructionism in Social Problems Theory // *Studies in the Sociology of Social Problems* / Ed. J.W. Schneider, J.I. Kitsuse. Norwood, NJ: Ablex, 1984. P. 31–51.
30. *Best J.* Constructionism in Context // *Images of Issues: Typifying Contemporary Social Problems*. 2nd ed. / Ed. J. Best. New York: Aldine de Gruyter, 1995. P. 337–354.
31. *Adorjan M.* Igniting Constructionist Imaginations: Social Constructionism's Absence and Potential Contribution to Public Sociology // *The American Sociologist*. 2013. Vol. 44. No. 1. P. 1–22.
32. *Schutz A.* The Phenomenology of the Social World. Evanston: Northwestern University Press, 1967.
33. *Kitsuse J.* Introduction to the Transaction Edition // *Spector M., Kitsuse J.* Constructing Social Problems. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2001. P. ix–xii.

34. *Ibarra P., Kitsuse J.* Vernacular Constituents of Moral Discourse: An Interactionist Proposal for the Study of Social Problems // *Reconsidering Social Constructionism: Debates in Social Problems Theory* / Ed. J. Holstein, G. Miller. New York: Aldine de Gruyter, 1993. P. 25–58.
35. *Woolgar S., Pawluch D.* Ontological Gerrymandering: The Anatomy of Social Problems Explanations // *Social Problems*. 1985. Vol. 32. No. 3. P. 214–227.
36. *Adorjan M.* Discord and Ambiguity within Youth Crime and Justice Debates. Doctor of Philosophy Thesis. McMaster University, Hamilton, 2009.
37. *Gusfield J.* Theories and Hobgoblins // *Society for the Study of Social Problems Newsletter*. 1985. Vol. 17. P. 16–18.
38. *Schneider J.* Defining the Definitional Perspective on Social Problems // *Social Problems*. 1985. Vol. 32. No. 3. P. 232–234.
39. *Woolgar S., Pawluch D.* How Shall We Move beyond Constructivism? // *Social Problems*. 1985. Vol. 33. No. 2. P. 159–162.
40. *Pfohl S.* Toward a Sociological Deconstruction of Social Problems // *Social Problems*. 1985. Vol. 32. No. 3. P. 228–232.
41. *Foucault M.* The Subject and Power // *Critical Inquiry*. 1982. Vol. 8. No. 4. P. 777–795.
42. *Miller L.* Claims-making from the Underside: Marginalization and Social Problems Analysis // *Reconsidering Social Constructionism: Debates in Social Problems Theory* / Ed. J. Holstein, G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993. P. 349–376.
43. *Best J.* Afterword: Extending the Constructionist Perspective: A Conclusion and an Introduction // *Images of Issues: Typifying Contemporary Social Problems* / Ed. J. Best. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1989. P. 243–253.
44. *Emerson R., Fretz R., Shaw L.* Writing Ethnographic Fieldnotes. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995.
45. *Best J.* But Seriously Folks: The Limitations of the Strict constructionist Interpretation of Social Problems // *Reconsidering Social Constructionism: Debates in Social Problems Theory* / Ed. J. Holstein, G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993. P. 129–147.
46. *Best J.* But Seriously Folks: The Limitations of the Strict constructionist Interpretation of Social Problems // *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems* / Ed. J. Holstein, G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 51–69.
47. *Kitsuse J., Murase A., Yamaura Y.* Kikokushijo: The Emergence and Institutionalization of an Educational Problem in Japan // *Studies in the Sociology of Social Problems* / Ed. J. Schneider, J. Kitsuse. Norwood, NJ: Ablex Publishing Co., 1984. P. 162–179.
48. *Nichols L.* Contextual Understanding in Constructionism: A Holistic, Dialogical Model // *Qualitative Sociology Review*. 2015. Vol. 11. No. 2. P. 76–92.

49. *Holstein J., Gubrium J.* A Constructionist Analytics for Social Problems // Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems / Ed. J. Holstein, G. Miller. New York, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 187–208.

50. *Bogard C.* Explaining Social Problems: Addressing the Whys of Social Constructionism // Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems / Ed. J. Holstein, G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 209–235.

51. *Weinberg D.* On the Social Construction of Social Problems and Social Problems Theory: A Contribution to the Legacy of John Kitsuse // The American Sociologist. 2009. Vol. 40. No. 1. P. 61–78.

52. *Del Rosso J.* The Textual Mediation of Denial: Congress, Abu Ghraib, and the Construction of an Isolated Incident // Social Problems. 2011. Vol. 58. No. 2. P. 165–188.

53. *Del Rosso J.* The Toxicity of Torture: The Cultural Structure of US Political Discourse of Waterboarding // Social Forces. 2014. Vol. 93. No. 1. P. 383–404.

54. *Jenness V.* From Sex as Sin to Sex as Work: COYOTE and the Reorganization of Prostitution as a Social Problem // Social Problems. 1990. Vol. 37. No. 3. P. 403–420.

55. *Jenness V.* Making It Work: The Prostitutes' Rights Movement in Perspective. New York, NY: Aldine de Gruyter, 1993.

56. *Kitsuse J.* Coming out All over: Deviants and the Politics of Social Problems // Social Problems. 1980. Vol. 28. No. 1. P. 1–13.

57. *Miller G., Holstein J.* On the sociology of social problems // Perspectives on Social Problems // Ed. J. Holstein, G. Miller. Greenwich, CT: JAI Press, 1989. P. 1–16.

58. *Kitsuse J., Cicourel A.* A Note on the Uses of Official Statistics // Social Problems. 1963. Vol. 11 (2). P. 131–139.

59. *Sudnow D.* Normal Crimes: Sociological Features of the Penal Code in a Public Defender's Office // Social Problems. 1965. Vol. 12. No. 3. P. 255–276.

60. *Cicourel A.* The Social Organization of Juvenile Justice. New York, NY: Wiley, 1968.

61. *Emerson R.* Judging Delinquents. Chicago, IL: Aldine, 1969.

62. *Weinberg D.* The Social Construction of Non-human Agency // Social Problems, 1997. Vol. 44. No. 2. P. 217–234.

63. *Holstein J.* Producing People: Descriptive Practice in Human Service Work // Current Research on Occupations and Professions. 1992. Vol. 7. P. 23–39.

64. *Spencer W.* From Bums to the Homeless: Media Constructions of Persons without Homes from 1980 to 1984 // Perspectives on Social Problems / Ed. J. Holstein, G. Miller. Greenwich, CT: JAI, 1996. Vol. 8. P. 39–58.

65. *Spencer W.* Self-presentation and Organizational Processing in a Human Service Agency // Institutional Selves: Troubled Identities in a Postmodern World / Ed. J. Gubrium, J. Holstein. New York: Oxford University Press, 2001. P. 158–175.

66. *Spencer W., McKinney J.* «We Don't Pay for Bus Tickets, but We Can Help You Find Work»: The Micropolitics of Trouble in Human Service Encounters // *Sociological Quarterly*. 1997. Vol. 38. No. 1. P. 185–203.

67. *Loseke D.* *The Battered Woman and Shelters: The Social Construction of Wife Abuse*. Albany, NY: State University of New York Press, 1992.

68. *Adorjan M., Christensen T., Kelly B., Pawluch D.* Stockholm Syndrome as Vernacular Resource // *The Sociological Quarterly*. 2012. 53. No. 3. P. 454–474.

69. *Weider L.* *Language and Social Reality*. The Hague: Mouton, 1974.

70. *Spencer W.* It's not as Simple as It Seems: Ambiguous Culpability and Ambivalent Affect in News Representations of Violent Youth // *Symbolic Interaction*. 2005. Vol. 28. No. 1. P. 47–65.

71. *Spencer W.* *The Paradox of Youth Violence*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2011.

72. *Rogers T.* A Look at What a Feature Story Is, and How It Differs from Hard News. URL: <http://journalism.about.com/od/writing/a/whatarefeatures.htm> (date of access: 01.07.2016).

73. *Jenks C.* *Childhood*. 2nd ed. Florence: Routledge, 2005.

Ibarra Peter,

University of Illinois at Chicago (Chicago, USA)

Adorjan Michael,

University of Calgary (Calgary, Canada)

Translated by:

Yasaveev Iskender,

National Research University Higher School of Economics (NRU HSE),

Saint Petersburg,

yasaveyev@gmail.com

Social constructionism: social problems as claims-making (part 1)

This overview of social constructionism begins with a consideration of the influential work of Malcolm Spector and John I. Kitsuse, whose book, “Constructing Social Problems”, inspired a wide variety of studies addressing how social problems are “constructed”. Ensuing epistemological and methodological controversies are discussed, and three key scholarly works are reviewed for the insights they offer into exemplary analytic practice in a constructionist vein. The exemplars pivot around the notion that “understanding understandings” is essential to executing constructionist analysis and does not entail subscribing to reified conceptions of objective conditions. The chapter concludes by discussing three promising directions for extending the constructionist purview, namely, through the study of (1) cyberspace (including social media) as an emerging but essential venue for the construction of social problems; (2) claims-making in national contexts beyond the Anglo Global North, especially in countries that challenge the liberal democratic assumptions upon which constructionist scholarship usually rests; and (3) a broadened, more quotidian conception of the social spaces and forms through which social problems-related expression is advanced.

Keywords: constructionism, social problems, claims-making, deviance, rhetoric, discourse, media, cyberspace, blogosphere.

References

1. Spector M., Kitsuse J. *Constructing Social Problems*. Menlo Park: Cummings Publishing Company, 1977.

2. Thomas W. Conceptions of interaction and forms of sociological explanation, *American Sociological Review*, 1970, 35 (4), 697–710.
3. Merton R., Nisbet R. *Contemporary Social Problems*. Revised. New York: Harcourt, Brace and World, 1971.
4. Blumer H. Social problems as collective behavior, *Social Problems*, 1971, 18 (3), 298–306.
5. Lemert E. *Social Pathology*. New York: McGraw-Hill, 1951.
6. Becker H. *Outsiders*. Toronto: Collier-Macmillan Canada, 1963.
7. Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. New York, NY: Doubleday, 1961.
8. Ibarra P. “Strict and contextual constructionism in the sociology of deviance and social problems”, in: Holstein J., Gubrium J. (eds.) *Handbook of Constructionist Research*. New York: Guilford, 2008. P. 355–369.
9. Holstein J. Defining deviance: John Kitsuse’s modest agenda, *The American Sociologist*, 2009, 40 (1–2), 51–60.
10. Rains P. Imputations of deviance: A retrospective essay on the labeling perspective, *Social Problems*, 1975, 23 (1), 1–11.
11. Kitsuse J., Spector M. Social problems and deviance: Some parallel issues, *Social Problems*, 1975, 22 (5), 584–594.
12. Pollner M. Constitutive and mundane versions of labeling theory, *Human Studies*, 1978, 1 (1), 269–288.
13. Gubrium J., Holstein J. Don’t argue with the members, *The American Sociologist*, 2011, 43 (1), 85–98.
14. Pollner M. *Mundane Reason: Reality in Everyday and Sociological Discourse*. New York: Cambridge University Press, 1987.
15. Spector M., Kitsuse J. Social problems: A re-formulation, *Social Problems*, 1973, 21 (2), 145–159.
16. Waller W. Social problems and the mores, *American Sociological Review*, 1936, 1 (6), 922–933.
17. Fuller R., Myers R. Some aspects of a theory of social problems, *American Sociological Review*, 1941, 6, 24–32.
18. Fuller R., Myers R. The natural history of a social problem, *American Sociological Review*, 1941, 6, 320–328.
19. Schneider J. “The medicalization of deviance: From badness to sickness”, in: Goode E. (ed.) *Handbook on Sociology of Deviance / Ed.* New York, NY: Wiley, 2015. P. 137–153.

20. Harris S. *What is Constructionism? Navigating Its Use in Sociology*. Boulder, CO: Lynne Reinner Publishers, 2010.
21. Weinberg D. *Contemporary Social Constructionism: Key Themes*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2014.
22. Cohen S. *Folk Devils and Moral Panics*. 2nd ed. London: Routledge, 2002.
23. Hunt A. *Governing Morals: A Social history of Moral Regulation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
24. Hier S. Risk and panic in late modernity: Implications of the converging sites of social anxiety, *British Journal of Sociology*, 2003, 54 (1), 3–20.
25. Glassner B. *The Culture of Fear: Why Americans are Afraid of the Wrong Things*. New York: Basic Books, 1999.
26. Altheide D. *Terror Post 9/11 and the Media*. New York: Peter Lang, 2009.
27. Hay C. Mobilization through interpellation: James Bulger, juvenile crime and the construction of a moral panic, *Social & Legal Studies*, 1995, 4 (2), 197–223.
28. Schissel B. *Still Blaming Children: Youth Conduct and the Politics of Child Hating*. Halifax: Fernwood Publishing, 2006.
29. Gusfield J. “On the side: Practical action and social constructionism in social problems theory”, in: Schneider J.W., Kitsuse J.I. (eds.) *Studies in the Sociology of Social Problems*. Norwood, NJ: Ablex, 1984, 31–51.
30. Best J. “Constructionism in context”, in: Best J. (ed.) *Images of Issues: Typifying Contemporary Social Problems*. 2nd ed. New York: Aldine de Gruyter, 1995. P. 337–354.
31. Adorjan M. Igniting constructionist imaginations: Social constructionism’s absence and potential contribution to public sociology, *The American Sociologist*, 2013, 44 (1), 1–22.
32. Schutz A. *The Phenomenology of the Social World*. Evanston: Northwestern University Press, 1967.
33. Kitsuse J. “Introduction to the Transaction Edition”, in: Spector M., Kitsuse J. *Constructing Social Problems*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2001. P. ix–xii.
34. Ibarra P., Kitsuse J. “Vernacular constituents of moral discourse: An interactionist proposal for the study of social problems”, in: Holstein J., Miller G. (eds) *Reconsidering Social Constructionism: Debates in Social Problems Theory*. New York: Aldine de Gruyter, 1993. P. 25–58.

35. Woolgar S., Pawluch D. Ontological gerrymandering: The anatomy of social problems explanations, *Social Problems*, 1985, 32 (3), 214–227.
36. Adorjan M. *Discord and ambiguity within youth crime and justice debates*. Doctor of Philosophy Thesis. McMaster University, Hamilton, 2009.
37. Gusfield J. Theories and hobgoblins, *Society for the Study of Social Problems Newsletter*, 1985, 17, 16–18.
38. Schneider J. Defining the definitional perspective on social problems, *Social Problems*, 1985, 32 (3), 232–234.
39. Woolgar S., Pawluch D. How shall we move beyond constructivism? *Social Problems*, 1985, 33 (2), 159–162.
40. Pfohl S. Toward a sociological deconstruction of social problems, *Social Problems*, 1985, 32 (3), 228–232.
41. Foucault M. The subject and power, *Critical Inquiry*, 1982, 8 (4), 777–795.
42. Miller L. “Claims-making from the underside: Marginalization and social problems analysis”, in: Holstein J., Miller G. (eds) *Reconsidering Social Constructionism: Debates in Social Problems Theory*. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993. P. 349–376.
43. Best J. “Afterword: Extending the constructionist perspective: A conclusion and an introduction”, in: Best J. (ed.) *Images of Issues: Typifying Contemporary Social Problems*. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1989. P. 243–253.
44. Emerson R., Fretz R., Shaw L. *Writing Ethnographic Fieldnotes*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995.
45. Best J. “But seriously folks: The limitations of the strict constructionist interpretation of social problems”, in: Holstein J., Miller G. (eds) *Reconsidering Social Constructionism: Debates in Social Problems Theory*. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993. P. 129–147.
46. Best J. “But seriously folks: The limitations of the strict constructionist interpretation of social problems”, in: Holstein J., Miller G. (eds) *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems*. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 51–69.
47. Kitsuse J., Murase A., Yamaura Y. “Kikokushijo: The emergence and institutionalization of an educational problem in Japan”, in: Schneider J., Kitsuse J. (eds) *Studies in the Sociology of Social Problems*. Norwood, NJ: Ablex Publishing Co., 1984. P. 162–179.
48. Nichols L. Contextual understanding in constructionism: A holistic, dialogical model, *Qualitative Sociology Review*, 2015, 11 (2), 76–92.

49. Holstein J., Gubrium J. “A constructionist analytics for social problems”, in: Holstein J., Miller G. (eds.) *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems*. New York, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 187–208.
50. Bogard C. “Explaining social problems: Addressing the whys of social constructionism”, in: Holstein J., Miller G. (eds.) *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems*. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 209–235.
51. Weinberg D. On the social construction of social problems and social problems theory: A contribution to the legacy of John Kitsuse, *The American Sociologist*, 2009, 40 (1), 61–78.
52. Del Rosso J. The textual mediation of denial: Congress, Abu Ghraib, and the construction of an isolated incident, *Social Problems*, 2011, 58 (2), 165–188.
53. Del Rosso J. The toxicity of torture: The cultural structure of US political discourse of waterboarding, *Social Forces*, 2014, 93 (1), 383–404.
54. Jenness V. From sex as sin to sex as work: COYOTE and the reorganization of prostitution as a social problem, *Social Problems*, 1990, 37 (3), 403–420.
55. Jenness V. *Making It Work: The Prostitutes’ Rights Movement in Perspective*. New York, NY: Aldine de Gruyter, 1993.
56. Kitsuse J. Coming out all over: Deviants and the politics of social problems, *Social Problems*, 1980, 28 (1), 1–13.
57. Miller G., Holstein J. “On the sociology of social problems”, in: Holstein J., Miller G. (eds.) *Perspectives on Social Problems*. Greenwich, CT: JAI Press, 1989. P. 1–16.
58. Kitsuse J., Cicourel A. A note on the uses of official statistics, *Social Problems*, 1963, 11 (2), 131–139.
59. Sudnow D. Normal crimes: Sociological features of the penal code in a public defender’s office, *Social Problems*, 1965, 12 (3), 255–276.
60. Cicourel A. *The Social Organization of Juvenile Justice*. New York, NY: Wiley, 1968.
61. Emerson R. *Judging Delinquents*. Chicago, IL: Aldine, 1969.
62. Weinberg D. The social construction of non-human agency, *Social Problems*, 1997, 44 (2), 217–234.
63. Holstein J. Producing people: Descriptive practice in human service work, *Current Research on Occupations and Professions*, 1992, 7, 23–39.

64. Spencer W. "From bums to the homeless: Media constructions of persons without homes from 1980 to 1984", in: Holstein J., Miller G. (eds) *Perspectives on Social Problems*. Greenwich, CT: JAI, 1996, 8. P. 39–58.
65. Spencer W. "Self-presentation and organizational processing in a human service agency", in: Gubrium J., Holstein J. (eds.) *Institutional Selves: Troubled Identities in a Postmodern World*. New York: Oxford University Press, 2001. P. 158–175.
66. Spencer W., McKinney J. "We don't pay for bus tickets, but we can help you find work": The micropolitics of trouble in human service encounters, *Sociological Quarterly*, 1997, 38 (1), 185–203.
67. Loseke D. *The Battered Woman and Shelters: The Social Construction of Wife Abuse*. Albany, NY: State University of New York Press, 1992.
68. Adorjan M., Christensen T., Kelly B., Pawluch D. Stockholm syndrome as vernacular resource, *The Sociological Quarterly*, 2012. 53 (3), 454–474.
69. Weider L. *Language and Social Reality*. The Hague: Mouton, 1974.
70. Spencer W. It's not as simple as it seems: Ambiguous culpability and ambivalent affect in news representations of violent youth, *Symbolic Interaction*, 2005, 28 (1), 47–65.
71. Spencer W. *The Paradox of Youth Violence*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2011.
72. Rogers T. *A Look at What a Feature Story is, and How it Differs From Hard News*. URL: <http://journalism.about.com/od/writing/a/whatarefeatures.htm> (date of access: 01.07.2016).
73. Jenks C. *Childhood*. 2nd ed. Florence: Routledge, 2005.